

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 323.1

DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

Д. Л. Хилханов,

Э. В. Хилханова

Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы)

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: dorjikh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9382-7757

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., Москва, 125009, Россия.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9369-343X

Феномен культурной дистанции был описан английскими психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером и в рамках исследований дистрессов, переживаемых студентами, обучающимися в чужой культуре (концепция культурного шока). В современных условиях информационного общества, в условиях глобализации мы наблюдаем процессы актуализации культурной идентичности миноритарных этносов. В результате роста межкультурного и экономического взаимодействия, возникают феномен транснационализма и концепция транскulturации. Несомненно, культурные дистанции между этносами имеют тенденцию к постепенному сокращению, что показывают данные семи массовых опросов Всемирного исследования ценностей с 1981 по 2020 годы, но сегодня они сохраняются путем определенных трансформаций своих базовых компонентов: языка и религии. Родной язык миноритарных этносов, в современных условиях глобализации, снижает свое идентификационное значение, которое выражается, в том числе, в появлении смешанных языковых кодов. Использование смешанного кода сегодня настолько распространено, что термин транслингвальность приобретает все большую популярность.

Религиозные ценности, с конца XX века, становятся основой национального культурного возрождения в посткоммунистических странах, являясь по сути компенсаторным фактором для усиления культурной идентичности, в условиях ослабления языкового фактора. Актуальность религиозного фактора культурной дистанции, подтверждают все современные классификации культурных различий: типология Г. Хофстеде, Р. Инглхарта, Л. Харрисона. Начиная с 1990-х гг. Россия демонстрирует рост традиционных религиозных ценностей. Роль религиозных ценностей в условиях постсекуляризации возрастает, что приводит к переоценке значимости данных конкретных факторов в контексте культурной дистанции.

Ключевые слова: культурная дистанция; культурная идентичность; этнос; религиозный фактор; языковой фактор; Интернет; бурятский язык; буддизм; транскультурация; культурные типологии.

Для цитирования: Хилханов Д. Л., Хилханова Э. В. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы). Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». С. 55–65. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

UDK 323.1

DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

Dorzhi L. Khilkhanov,
Erzhen V. Khilkhanova

The Phenomenon of Cultural Distance in Modern Conditions (Linguistic and Religious Factors)

Khilkhanov D. Lvovich — Dr. Sc. (Sociology), Professor.

Moscow City University, 129226, Moscow, Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4.

E-mail: dorjikh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9382-7757

Khilkhanova E. Vladimirovna — Dr. Sc. (Linguistics), Leading Research Associate, Associate Professor.

Institute of Linguistics of the RAS (1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia).

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9369-343X

The phenomenon of cultural distance was described by psychologists A. Furnham and S. Bochner and in the framework of research on the distress experienced by students studying in a foreign culture (the concept of cultural shock). In the modern conditions of the information society, in the conditions of globalization, we observe the processes of actualization of the cultural identity of minority ethnic groups. As a result of the growth of cross-cultural and economic interaction, the phenomenon of transnationalism and the concept of transculturation arise. There is no doubt that cultural distances between ethnic groups

tend to gradually decrease, as shown by the data of seven mass surveys of the World Values Survey from 1981 to 2020, but today they are preserved through certain transformations of their basic components: language and religion. The native language of minority ethnic groups, in the modern conditions of globalization, reduces its identification value, which is expressed, among other things, in the appearance of mixed language codes. The use of mixed code is so widespread today that the term translanguaging is very popular.

Religious values, since the end of the twentieth century, have become the basis of national cultural revival in post-communist countries, being in fact a compensatory factor for strengthening cultural identity, in the context of the weakening of the language factor. The relevance of the religious factor of cultural distance is confirmed by all modern classifications of cultural differences: the typology of G. Hofstede, R. Inglehart, L. Harrison. Since the 1990s, Russia has been demonstrating the growth of traditional religious values. The role of religious values in the context of post-secularization increases, which leads to an overestimation of the significance of these specific factors in the context of cultural distance.

Keywords: cultural distance; cultural identity; ethnos; religious factor; language factor; Internet; Buryat language; Buddhism; transculturation; cultural typologies.

For citation: Khilkhanov D. L., Khilkhanova E. V. The phenomenon of cultural distance in modern conditions (linguistic and religious factors). Vestnik Moscow city university. Series Philosophical sciences. P. 55–65. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

Введение

Феномен культурной дистанции был описан английскими психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером и в рамках исследований дистрессов, переживаемых студентами, обучающимися в чужой культуре (концепция культурного шока) (Furnham, 2019). При этом ученые отмечают, что компоненты культурной дистанции для индивидов могут являться вполне субъективными в плане их выбора в таком качестве.

В основе культурной дистанции, лежит множество факторов, в том числе и субъективных, но среди базовых несомненно выделяются религиозный и языковой.

Постановка проблемы

В современных условиях информационного общества, в условиях глобализации мы наблюдаем процессы актуализации культурной идентичности миноритарных этносов. В этих условиях данные факторы трансформируются, согласно концепции транскультурации. Языки миноритарных этносов постепенно теряют свое функциональное прикладное значение, но сохраняют в полном объеме символическое, поскольку являются основой культурной идентичности (Хилханова, Хилханов, 2020). Религиозные ценности, с конца XX века, становятся основой национального культурного возрождения в посткоммуни-

стических странах, являясь по сути компенсаторным фактором для усиления культурной идентичности, в условиях ослабления языкового фактора.

Методология исследования

Основным методом исследования был анализ научной литературы, различных количественных баз данных (Карта языков Российской Федерации, Всероссийские переписи населения 2002, 2010 годы), сравнительный анализ известных классификаций культурных различий с целью определения роли языковых и религиозных факторов в поддержании культурной дистанции.

Еще Ю. М. Лотман отмечал, что коммуникативная функция языка не является его главной составляющей. Если искусственные языки успешно осваивают сферу коммуникации, то естественные языки обладают функцией культурной памяти и идентификации. Н. Б. Вахтин отмечал, что утрата коммуникативной функции не способствует исчезновению языка (Вахтин, 2001, с. 304–305). Н. Б. Вахтин считает, что условиях доминирования одного языка, миноритарные языковые группы вынуждены актуализировать другие факторы своей культурной идентичности, в том числе различные традиции и обряды (2001, с. 308–309). Подобная ситуация наблюдается в современной культуре бурят, крупнейшего этноса Сибири: ученые отмечают религиозные обряды, как основу бурятского культурного возрождения (Quijada, 2015). Этот тренд является общим не только для бурят, но и для многих российских народов.

Результаты исследования

Процессы усиления религиозного фактора характерны для этносов, которые исповедуют крупные мировые религии с высокой степенью институционализации. К таким этносам относятся, к примеру, калмыки, татары, но не якуты; невысокий уровень религиозности последних Л. Б. Четырова объясняет тем, что в якутской культуре важную роль играет шаманизм, который не имеет такой организационной структуры, как русская православная церковь или буддийский дацан, что ограничивает возможности шаманизма для конструирования религиозности (Четырова, 2011, с. 193). Социологическое исследование языка в системе культурных составляющих идентичности татар показало, что значимость языка, традиционно занимающего главенствующее место в иерархии компонентов татарской идентичности, постепенно понижается от 74,9 % в 1994 году до 72,5 % в 2017 году. При этом значимость религии возрастает от 32 % до 35,3 % в тех же годах (Габдрахманова, 2020, с. 87). Этот дрейф от языка к религии объясняется ничем иным, как постепенной утратой этнических языков. Следствием этой утраты является замещение языковой идентичности культурной, которую легче практиковать и нет ощущаемого

многими разрыва между высокой символической значимостью этнических языков и низким уровнем реального владения ими.

Современная ситуация с развитием бурятского языка подтверждает данные выводы (Хилханова, 2020). В 2002 году по решению ЮНЕСКО бурятский язык был занесен в «Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения». В Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения, бурятский язык обозначен как *severely endangered* — под сильной угрозой исчезновения. Анализ итогов Всероссийской переписи населения показывает, что доля бурятского населения республики Бурятия со знанием бурятского языка снизилось с 81 %, или 222 107 из 272 910 в 2002 году (Всероссийская перепись населения, 2002), до 43 %, или 122 882 из 286 839 в 2010 году (Всероссийская перепись населения, 2010).

Несмотря на значительный объем бурятскоязычной медиапродукции и развитые институты языкового образования, сферы его функционального использования ограничены. По результатам исследований только 2,4 % респондентов в г. Улан-Удэ (столица Республики Бурятия) сообщили об использовании бурятского языка на работе или в школе, в сельской местности они составляют в среднем 31,5 % (Quijada, 2015, с. 259). Данный факт объясняет причину того, что бурятский язык становится скорее символическим фактором культурной идентичности.

В информационную эпоху развитие языковых форм возможно наблюдать в Интернете. Новые технологии предназначены в первую очередь для молодежи, что является актуальным с точки зрения сохранения и преемственности языковой культуры (Pischlöger, 2016). В проекте Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» 2016 года проводится количественная оценка текстов на национальных языках народов Российской Федерации (далее по тексту РФ) в Интернете ([http:// web-corpora.net/wsgi3/minorlangs](http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs)) (Карта языков, 2016).

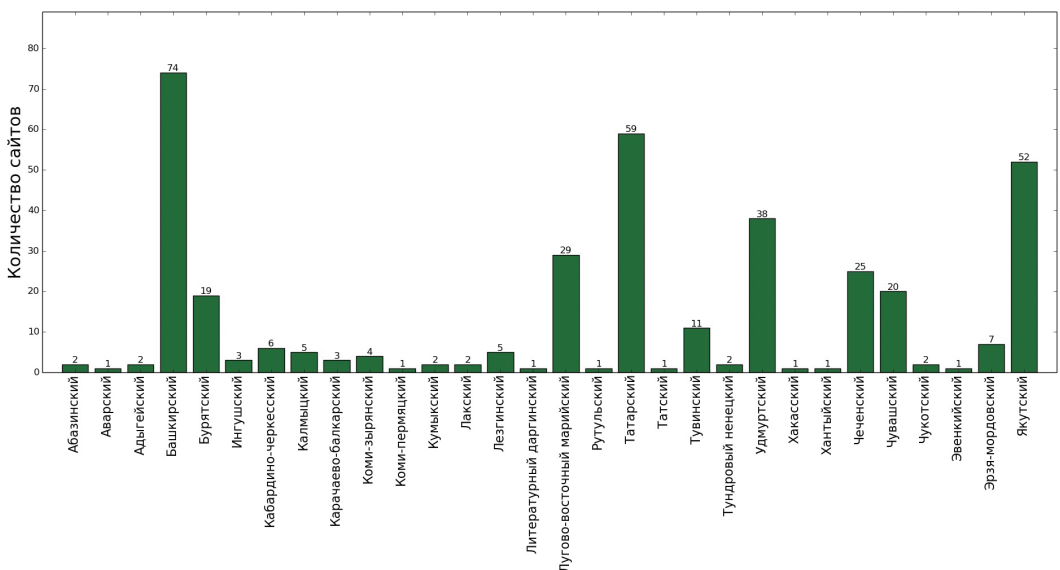

Рис. 1. Количество сайтов на миноритарных языках в РФ

По общему количеству сайтов в Интернете лидерами являются башкирский, татарский, якутский и удмуртский языки. Эти данные достаточно независимы от количества носителей языка: татарский и башкирский этносы являются самыми многочисленными среди этносов РФ, но татар более чем в 3 раза больше, чем башкир: в России 5 310 6493 татар и 1 584 554 башкир (Всероссийская перепись населения, 2010). При этом башкиры демонстрируют более высокие показатели языковой активности в Интернете. Также следует отметить, что в России есть более многочисленные этносы, чем якуты и удмурты, численность которых составляет 478 085 и 552 299 соответственно (Всероссийская перепись населения, 2010).

Анализ бурятского языка по количеству сетевых сообществ дает примерно такую же картину, как и по вебсайтам (Карта языков, 2016). Рисунок 2, взятый с этого ресурса, показывает количество сообществ на бурятском языке в популярной социальной сети VKontakte.

Сообщества

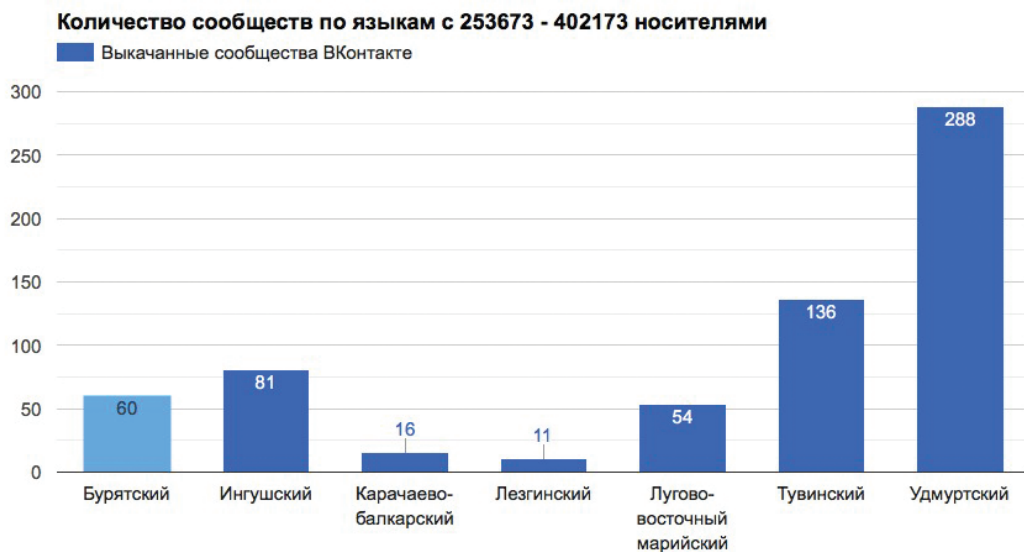

Рис. 2. Количество бурятскоязычных сообществ в социальной сети VKontakte

По количественным показателям в Интернете бурятский язык занимает средние позиции (Хилханова, 2019). Возможности Интернет активно используются для популяризации бурятского языка, в первую очередь это видеохостинговый сайт YouTube и приложение Instagram. Созданные видеоролики такими авторами как, режиссер Солбон Лыгденов, студент Тимур Дашинимаев, на тему бурятского языка и на бурятском языке, размещаемые на YouTube и Instagram, собирали десятки тысяч просмотров. Коммуникация на этническом языке в Интернете носит характер смешанного кода, и здесь тенденции использования бурятского языка в Интернете аналогичны использованию других минори-

тарных языков в мире. Использование смешанного кода сегодня настолько распространено, что термин *translanguaging* («транслингвальность», «транслингвализм») приобретает все большую популярность. Мы придерживаемся той точки зрения, что существование на смешанном коде или транслингвальные речевые стратегии и практики — это все же лучший вариант сохранения языка для этноса, чем постепенное прекращение существования менее престижного идиома вообще (Cenoz and Gorter, 2017).

Для новых поколений, в том числе языковых активистов, зачастую этот язык не был передан «естественным» путем, но поиски культурной идентичности привели их к его изучению, в том числе посредством онлайн-курсов. Именно молодежь, нередко выучившая язык самостоятельно, со всеми вытекающими последствиями в плане «литературной правильности» и смешанного языкового кода, часто создает и поддерживает Интернет-проекты в области сохранения и продвижения бурятского языка. В данном случае транслингвальность символизирует современные процессы трансформации языкового фактора (Khilkhanova, 2019).

В условиях неизбежной трансформации идентификационной значимости родного языка, постепенно возрастает значение религиозного фактора. Карта культурных ценностей Р. Инглхарта демонстрирует, в динамике последних лет, высокое влияние на страны традиционных (религиозных) ценностей. Так, например, Россия по данной шкале опустилась с относительно высокой позиции секулярных ценностей +1.3 в 1990 году до +0.5 в 2020 году в сторону традиционных (религиозных) ценностей, при этом Россия является согласно данным этой карты, более секулярной страной чем США и страны Латинской Америки (<https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>). Данная динамика постсекуляризации характерна для всех стран бывшего Советского Союза (атеистического государства), и отражает рост всех основных религиозных конфессий в России. Так например, в СССР с 1930-х годов, был только один действующий буддийский храм (дацан) на территории Бурятии. Сегодня, со слов буддийского священнослужителя, только в этнической Бурятии (Республика Бурятия, бывшие Усть-Ордынский и Агинский автономные округа) их свыше 40, более 10 — в Калмыкии, 8 — в Туве, 1 — в Санкт-Петербурге и Республике Алтай, планируется строительство дацанов в Москве и Казани. Буддийских же общин в России несколько сотен. Также в этнической Бурятии наблюдается институционализация шаманизма, сопровождающаяся увеличением количества проводимых шаманских обрядов.

Следует отметить, что, актуальность религиозного фактора культурной дистанции, подтверждают все современные классификации культурных различий. Наиболее известной классификационной моделью сегодня является типология культурных изменений Герта Хофстеде (<https://www.hofstede-insights.com>). В этой типологии религиозный фактор в опосредованном виде представлен во всех шести параметрах: «дистанцированность власти», «избегание неопределенности», «индивидуализм/коллективизм», «маскулинность/фемининность», «долгосрочная/краткосрочная временная ориентация» (данный признак Г. Хофстеде называл

«фактором конфуцианского динамизма»), «потворство желаниям/сдержанность» (Латова, 2016). Его научный труд *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*, является самым цитируемым в области межкультурного менеджмента и коммуникаций, поэтому мы не будем в данной статье подробно рассматривать его основные результаты. В своих работах Г. Хофстеде признавал приоритет традиционных культурных ценностей: «...культуры, которые прививаются с раннего детства, имеют гораздо более глубокие корни в человеческом сознании, чем культуры профессиональных групп, обретаемые с образованием, либо чем различные организационные культуры, приобретаемые во время трудовой деятельности» (Hofstede, 2011).

Следующая классификация создана в рамках Всемирного исследования ценностей. Данное исследование является самым масштабным социологическим опросом в мире с 1981 года, социологические данные собраны по 97 странам мира (Inglhart, 2018). В результате экономической модернизации последних лет, большинство стран, участвующих во Всемирном исследовании ценностей под руководством Р. Инглхarta, демонстрируют постоянную тенденцию движения стран к ценностям самовыражения, что наглядно демонстрирует карта культурных ориентаций, при этом такие развитые страны как Россия и США показывают в последние годы сравнительно высокие показатели религиозности (<https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>). Для изучения всемирных ценностей, данные авторы рассматривали такие основные критерии как: традиционные — секулярно-рациональные ценности и ценности выживания — самовыражения. Традиционные ценности Р. Инглхарт в данной работе, определяет именно в контексте религиозного фактора. Наконец мы хотим рассмотреть типологию культурных традиций Лоуренса Харрисона (Harrison, Huntington, 2001). Данный автор анализирует страны в пространстве 25 параметров, среди которых в том числе религия, этический кодекс, отношения между государством и церковью. Рассмотренные им факторы определяют культурный ресурс для успеха экономической модернизации в конкретной стране. При этом, данная классификация в наиболее полном виде описала факторы культурной дистанции. Сам Л. Харрисон, как видно по выбранным им параметрам, подчеркивает определяющую роль религиозных факторов, как ценностно-содержательной составляющей и как формальной системы взаимоотношений между светскими и религиозными ценностями. Существуют также другие типологии, например, исследования в рамках проекта GLOBE Роберта Хауса (About the Foundation — GLOBE Project) (Crede et al., 2019), типология Ф. Тромпенаарса (Timbalari, 2019), но они на наш взгляд частично совпадают по отдельным параметрам с вышеуказанными моделями, а также являются более специализированными и менее универсальными.

Рассмотренные типологии демонстрируют актуальность феномена культурной дистанции, и подчеркивают значимость для нее религиозного фактора, который демонстрирует значительное укрепление своего влияния в посткоммунистических странах.

Заключение

Сегодня мы наблюдаем по сути, противостояние тенденций глобализации и глокализации. В результате роста межкультурного и экономического взаимодействия, возникают и феномен транснационализма и концепция транскультурации. Несомненно, культурные дистанции между этносами имеют тенденцию к постепенному сокращению, что показывают данные семи массовых опросов Всемирного исследования ценностей с 1981 по 2020 годы, но сегодня они сохраняются путем определенных трансформаций своих базовых компонентов: языка и религии. Родной язык миноритарных этносов, в современных условиях глобализации, снижает свое идентификационное значение, которое выражается, в том числе, в появлении смешанных языковых кодов. Роль религиозных ценностей в условиях российской постсекуляризации постепенно возрастает, что приводит к переоценке значимости данных факторов в контексте культурной дистанции.

Литература

- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 года (ВПН-2002). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 01.04.2021).
- Всероссийская перепись населения 2010 года (ВПН-2010). [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.04.2021).
- Габдрахманова Г. Ф. Язык в системе культурных составляющих идентичности татар. [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2020. № 2 (2). С. 83–91. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-83-91.
- Карта языков Российской Федерации: электронный ресурс. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/> (дата обращения: 01.10.2019).
- Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 155–179. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>
- Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
- Хилханова Э. В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. № 19 (4). С. 967–988. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988>
- Хилханова Э. В. Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе [Электронный ресурс] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 4. С. 64–75. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.4.6
- Четырова Л. Б. Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. СПб: Изд-во А. Голода, 2011. С. 190–196.

Cenoz J., Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. 38:10, 901–912, DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855

Crede M., Jong J., Harms P. The generalizability of transformational leadership across cultures: A meta-analysis. *Journal of Managerial Psychology*. 2019. № 34 (3). 139–155. DOI: 10.1108/JMP-11-2018-0506

Furnham, A. *Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners*. Psychology. 2019. Vol. 10. № 13. P. 1832–1855. DOI: 10.4236/psych.2019.1013119

Harrison, L. E., Huntington, S. P. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books, 2001. 348 p.

Hofstede G. (2011). *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context*. Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>. (accessed: 19.02.2021).

Inglhart R. F. (2018). Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world // Cambridge University Press. № 2. P. 198–202.

Khilkhanova E. V. Sociolinguistic Study of Language Attitudes Among the Buriat and Russian Youth in the Republic of Buriatia, Russia. *Sibirica*. 2019. Vol. 18 (2). P. 27–55. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2019.180203>

Pischlöger C. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. 2016. T. 14. P. 108–132.

Quijada J. B., Graber K. E., Stephen E. (2015). Finding “Their Own”: Revitalizing Buryat Culture Through Shamanic Practices in Ulan-Ude, Problems of Post-Communism. 62:5. P. 258–272. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057040

Timbalari C. Dimensions of national culture-cross-cultural theories // *Studies in Business and Economics*. 2019. № 14 (3). DOI: 10.2478/sbe-2019-0055

References

Chety`rova L. B. (2011). Rol` buddizma v konstruirovani e`tnichnosti kalmy`kov i mongolov // *Chetverty`e vostokovedny`e chteniya pamyati O. O. Rosenberga*. Dokl., st., publikatsii. SPb.: Izd-vo A. Goloda. P. 190–196. [in Rus.].

Cenoz J., Gorter D. (2017). Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 38:10, 901–912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855

Crede M., Jong J., Harms P. (2019). The generalizability of transformational leadership across cultures: A meta-analysis. *Journal of Managerial Psychology*. № 34 (3). P. 139–155. DOI: 10.1108/JMP-11-2018-0506

Furnham, A. (2019). *Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners*. Psychology, Vol. 10, 13, 1832–1855. DOI: 10.4236/psych.2019.1013119

Gabdrakhmanova, G. F. (2020). Yazy`k v sisteme kul`turny`h sostavlyayushchih identichnosti tatar [Language in the system of cultural components of Tatar identity]. *Sociolinguistics*, 2 (2) [online], 83–91 [in Rus.] DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-83-91

Karta yazykov Rossijskoj Federacii (2016) [Map of the languages of the Russian Federation] (accessed 01.10.2019). [in Rus.].

Khilkhanova, E. V., Khilkhanov, D. L. (2020). E`tnokul`turnaya identichnost` migrantov iz vostochny`h regionov by`vshego SSSR v svete teorii «stolknoveniya kul`tur»

[E' thnocultural identity of migrants from the Eastern regions of the former USSR in the light of the "clash of cultures" theory]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, T. 17, 1, 31–38. [in Rus.]. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Khilkhanova, E. V. (2019). Internet i minoritarny'e yazy'ki Rossii: simvolicheskoe prisutstvie ili instrument revitalizacii? (na primere buryatskogo yazyka) [The Internet and Minority Languages of Russia: Symbolic Presence or a Revitalization Tool? (a Case Study of the Buryat Language)]. *Mongolian Studies*, 11 (4), 967–988. [in Rus.]. URL: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988>

Khilkhanova, E. V. (2020). Novy'e tendencii po otnosheniyu k mnogoyazy'chiyu i minoritarny'm yazy'kam v global'nom masshtabe. [E'lektronny'i resurs]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2. Yazy'koznanie*. T. 19, 4, [online], 64–75. [in Rus.]. DOI: 10.15688/jvolsu.2020.4.6

Khilkhanova, E. V. (2019). Sociolinguistic Study of Language Attitudes Among the Buriat and Russian Youth in the Republic of Buriatia, Russia. *Sibirica*. Vol. 18 (2), 27–55. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2019.180203>

Latova, N. V. (2016). Kul'turnaya specifika rossiyan (e' tnometriceskij analiz na osnove koncepcii G. Hofsteda) [Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept)]. *Vestnik instituta sotziologii*, Vol. 7, 4, 155–179. [in Rus.]. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>

Harrison, L. E., Huntington, S. P. (2001). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books, 348.

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, Unit 2. URL: Available at: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>. (accessed: 19.02.2021).

Inglhart, R. F. (2018). *Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge University Press, 2, 198–202.

Pischlöger, C. (2016). Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*, T. 14, 108–132.

Quijada, J. B., Graber, K. E., Stephen, E. (2015). Finding "Their Own": Revitalizing Buryat Culture Through Shamanic Practices in Ulan-Ude, *Problems of Post-Communism*. 62:5, 258–272. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057040

Timbalari, C. (2019). Dimensions of national culture-cross-cultural theories. *Studies in Business and Economics*, 14 (3). DOI: 10.2478/sbe-2019-0055

Vakhtin, N. B. (2001). *Yazyki narodov Severa v XX veke: ocherki yazykovogo sdviga*. [Languages of the peoples of the North in the twentieth century. Essays on the language shift]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 338. [in Rus.].

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2002 goda [All-Russian population Census of 2002] (VPN-2002). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 01.04.2021). [in Rus.].

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian population Census of 2002] (VPN-2010) URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 01.04.2021). [in Rus.].